Дөңгелек үстел – Круглый стол – Raundtalk**«Тарихи ретроспективадағы төңкерістік популизм және бұқаралық сана»
«Революционный популизм
и массовое сознание в исторической ретроспективе»
«Revolutionary populism and mass consciousness in historical perspective»**

Нина ГУСЕВА, председатель Восточного отделения Общества философов Казахстана «Казахстанский Философский Конгресс», доктор философских наук:

Массовое сознание не является однородным явлением. В нем надо различать, с одной стороны, процессы непосредственного реагирования на происходящие события и, с другой стороны, – реагирование, являющееся результатом специальным образом организованного влияния, ориентированного на то, чтобы вызывать ту или иную психологическую реакцию на события их многочисленных участников.

Непосредственное реагирование людей выражает их реально присутствующие и им принадлежащие интересы. Результаты же организованного влияния, напротив, указывают на наличие неких иных целей у носителей влияний на массовое сознание.

Популизм в любые времена выступает особой формой осознанного влияния на умы больших масс людей через введение идейных матриц, мотивов действий, представлений и т.п. Популизм – это распространённая форма «вхождения в доверие» к тем, кто находится по другую сторону в социальной дифференциации по сравнению с людьми, выступающими от имени социально сильных групп, имеющих возможность влиять на события в собственных интересах или в интересах тех, кто их ангажирует.

Факты проявления популистской позиции свидетельствуют о несовпадении реальных интересов тех, кто осуществляет внешние влияния на сознание людей, с интересами тех, на кого направляются эти влияния. При этом сами популистские воздействия на сознание людей сопровождаются, как правило, использованием большого «арсенала» убеждения в том, что совпадение интересов как раз имеет место. Использование «механизмов» убеждения является существенной чертой всякого популизма. Такой «механизм» сродни фальсификации. При этом, популизм оказывается реально действующей и, как правило, изоцированной формой фальсификации.

«Революционный» популизм может проявляться тогда, когда возникает конфликтная ситуация в обществе, затрагивающая политические вопросы – вопросы реализации власти, касающиеся принятия решений, важных для всех. В этом случае популизм (т.н. «революционный» популизм) становится формой проведения идей, якобы, выражающих оппозицию к существующим неудовлетворительным формам власти и способам осуществления властных полномочий и тем самым, якобы, поддерживающих революционные настроения и действия. На самом же деле происходит обратная ситуация.

При историческом подходе можно выделить возможность осознания обществом необходимости реальных качественных положительных социальных изменений. Такая возможность осознания характеризует, например, эпохи социальных революций. «Революционный» популизм, однако, не имеет реального отношения к такому осознанию. Так, в любые исторические периоды находились люди, которые выступали «за массы», «за народ», за его освобождение. В то же время их выступления были лишь «ширмой», скрывающей их собственные цели, которые они пытались достичь с помощью

использования присутствия массового «ресурса». Это – пример логики проявления так называемого «революционного» популизма.

Александр ХАМИДОВ, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук:

Общественное сознание со стороны своей вертикальной структуры имеет два основных уровня – 1) уровень обыденного сознания (нижний уровень) и 2) уровень специализированного сознания (верхний уровень). Специализированный уровень образован тем, что принято называть формами общественного сознания. В обыденном сознании, как в миксере, перемешаны элементы всех форм общественного сознания. Оно отличается бессистемностью и не критичностью по отношению к наличной социальной действительности и вообще к действительности. Субъектами обыденного сознания являются простые люди, не представляющие собой однородную массу. Они различаются между собой по самым различным основаниям: по полу и возрасту, по этнической и национальной принадлежности, по принадлежности или непринадлежности к той или иной конфессии, по уровню образования, по социальному положению, по степени самостоятельности мышления и т.д., и т.п. Это с неизбежностью сказывается на качестве обыденного сознания каждого из них.

Но в XX столетии сформировался ещё один уровень сознания – так называемое массовое сознание, которое расположено ниже обыденного, но вместе с тем ближе к нему, чем сознание специализированное. Как таковое оно порождено процессами массовизации, которые, в свою очередь, явились одним из следствий капиталистически организованной индустриальной цивилизации. У массового сознания имеется специфический носитель. Таковым является массовый человек, или человек массы, а совокупность таких омасовлённых людей образует массовое общество. Масса – это такое сообщество, в котором у каждого его члена стёрты все черты индивидуальности и личности. Массовое сознание ещё менее системно, чем обыденное, ещё менее объективно в своём понимании действительности и к тому же крайне неустойчиво по своей архитектонике. В то же время оно насыщено разнообразными стереотипами, мыслительными клише (к тому же быстро сменяющимися другими), полно предрассудков и т. п. Носители этого вида сознания легко поддаются влиянию рекламы, рынка, моды и т. п.

Со второй половины XX столетия массовая культура, массовое сознание и омасовлённые индивиды стали объектом целенаправленной манипуляции в том числе и в глобальных геополитических целях. Появилась доктрина так называемого управляемого хаоса, или контролируемой нестабильности. Её создателями считают Дж. Шарпа и Ст. Р. Манна (иногда к ним причисляют и Зб. Бжезинского). Но Манн опирается не только на теорию хаоса, но и на разработанную физиками теорию самоорганизованной критичности. И носители массового сознания поддаются воздействию подобных технологий.

Ниже массового сознания находится особое психическое состояние, которое обладает устойчивостью, но вместе с тем ведёт преимущественно латентное существование, лишь время от времени получая актуализированную форму выражения. Это – состояние толпы. Это – состояние, которое создаётся превращением конкретного человеческого сообщества в толпу. В толпе нет места не только личности, и индивидуальности человека, но и субъектности вообще. Толпа – это скопление эмоционально экзальтированных существ, у которых временно (ибо состояние толпы – всегда временный

феномен) парализована способность не только разума, но и рассудка, способность отдавать себе хоть какой-то самоотчёт в своих действиях, в своём поведении и в своих словах. Очень часто феномен толпизации обнаруживает себя на митингах и тому подобных мероприятиях. Толпе можно внушить любую идею, подвигнуть её на любые действия. Психическое состояние толпы оказывается цельным, цементированным внушённой эмоцией или идеей, какой бы бредовой она реально ни была. Этому состоянию может быть внушён любой образ реальности – как сверхположительный, так и сверхотрицательный. Чем, как показывает опыт постсоветского существования, пользуются самые разные силы. Об этом свидетельствуют митинг оппозиции на Болотной площади в Москве (2012 г.) или митинг на «Майдані незалежності» в Киеве (декабрь 2013 – начало 2014 гг.).

Дина АМАНЖОЛОВА, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук:

Сегодня происходит быстрое развитие новой исторической культуры, в рамках которой массовая и профессиональная культура достаточно тесно взаимодействуют и пересекаются. К этому стоит добавить коммерциализацию знания о прошлом и средств его трансляции с помощью значительно выросшей доли информационных технологий, что дает новые возможности предпринимателям от науки для воздействия на умы и настроения тех или иных социальных групп. История оказалась в достаточно сложных отношениях и с правом: получили распространение всевозможные «суды», больше похожие на судилища, когда интерпретация прошлого становится инструментом конкурентной борьбы, формирования сомнительных идентификационных смыслов, политического шантажа, финансовых и экономических претензий к государствам и даже народам.

Массовое сознание в связи с названными трансформациями переживает натиск огромного числа «сенсаций», опрокидывающих не только устоявшиеся версии давнего и близкого прошлого, но и саму систему базовых ценностей и нравственных постулатов. Это создает условия для подрыва культуры диалога и согласия, трудолюбия и взаимовыручки, уважения к знанию и традициям предков. Особенно наглядно такие опасности и их тяжелые последствия проявляются в рамках т.н. «цветных революций», конструкторы которых предлагают народам и странам, их лидерам и гражданским активистам далеко не новые популистские идеи. Манипулирование сознанием и поведением масс – известный феномен в мировой истории, но цинизм в его реализации приобрел сегодня невиданные масштабы. В ход идут не только предметы овеянной памяти (театр, живопись, кино, музыка, скульптура и архитектура, топонимика и хронология, места поминовений) и памяти действия (праздники, экскурсии и др.), но и практически все атрибуты современной маркетинговой – марки, значки, этикетки, принты на модной одежде и упаковке, реклама, флажки, посуда, прически и пр., и пр. Подвергаются агрессивному натиску, в т.ч. в социальных сетях, интимные ценности и традиции – семейные реликвии, фотографии, дневники, письма и т.д.

При этом публичное обсуждение прошлого часто оказывается привязанным к актуальным политическим интересам, что затрудняет анализ сложной и противоречивой проблемы, способный внести конструктивное и примиряющее начало в научные дебаты и общественное сознание. Казахстанский политолог Д.Р. Ашимбаев видит общность популистских технологий эксплуатации массового сознания в прошлом и современности: «От «туземных восстаний» в нужных местах до «оранжевых революций» и

«арабской весны» общие принципы политических технологий не изменились. ...К сожалению, объективный подход к вопросам общей истории России и Центральной Азии, занимая относительно устойчивые позиции в исторической науке, находится на периферии базовых процессов, происходящих в информационном и политическом пространстве. Трендом является высказывание взаимных претензий: по пограничным вопросам, перегибам, репрессиям, языковым вопросам, проявлениям национализма и шовинизма, причем за весь период истории – от первого столкновения славян с кочевниками – печенегами и половцами до создания Евразийского экономического союза»¹. Именно такой тренд составляет важную часть мифологизации прошлого, привлекающего обывательский интерес и позволяющего отвлечь внимание широких слоев общества от бездарного управления, безответственных и корыстных действий чиновников, направляя его на «вдруг» обнаруженного внешнего обидчика и врага.

Между тем изучение истории революции начала прошлого века в России в объективно неразрывной связи с последующей советской историей Евразии и других континентов показывает, что революционный популизм необязательно играет роль лишь рациональной политической технологии. Он вырастает на почве объективных кризисных процессов и становится фактом массовой культуры, а также культуры политической и творческой элиты, давая импульс мощному преобразению государств, как созидательному, так и деструктивному. При этом разделить созидание и деконструкцию в жизнедеятельности и сознании, установить приоритетное влияние того или другого бывает достаточно сложно.

Очевидно, что в революционное время начала прошлого века разочарование властью, тяжелейшая усталость от тягот войны и накопившейся нетерпимости к гигантскому социальному неравенству порождали жестокость и насилие. Но одновременно вечно живущая мечта о справедливости не могла не использоваться политическими силами в борьбе за лидерство и власть. Романтики и циники, герои и предатели, честные трудяги и изворотливые прохиндеи, карьеристы и альтруисты, - эти и другие персонажи действуют на исторической арене одновременно, нередко в самых неожиданных альянсах.

В.А. Шнирельман замечает: «...поддаваясь эмоциям толпы, человек ведет себя иначе и нередко поддерживает весьма сомнительные идеи или совершает сомнительные поступки, чего он не позволил бы себе, выступая автономной единицей. Аналогичным образом, находясь среди членов своей группы, человек может некритически разделять их общий взгляд на прошлое, который он способен поставить под сомнение, оставаясь наедине с собой. ...представления и символы, разделяемые группой, играют принципиально важную роль в формировании и поддержании идентичности. В этом смысле позиция индивида может оказаться инструментальной, основанной на тех или иных интересах, а может быть эмоциональной, связанной с групповой лояльностью»².

В экстремальных обстоятельствах революционная стихия и рациональная стратегия и тактика неизбежно рождают популизм, который, в свою очередь, тоже влияет на сознание и действия политиков, больших и малых социальных групп. Опора на символические ресурсы, актуализированные в личной памяти людей о пережитом и в коллективном сознании через овеществление и

¹ Ашимбаев Д.Р. Восстание 1916 г.: вопросы трактовки в контексте современной политики // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). Сб. докл. Межд. науч.-пр. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. М.: б.и., 2016. С.17-21.

² Шнирельман В.А. Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое. 2016. № 1. С.112.

действие, служит могущественным орудием в борьбе за власть. Видимо, величайшая гражданская ответственность исторических личностей состоит в том, чтобы прочувствовать, осознать, использовать силу пробудившейся энергии масс в интересах собственного народа, установления мира, гармонизации социальных отношений, экономического роста, прогресса и безопасности.

Надежда ЧАУС, научный сотрудник Московской областной государственной детской библиотеки, кандидат исторических наук:

Период 1917-1921 гг. характеризуется экстремальными обстоятельствами революции и гражданской войны, острейшего классового противоборства, обернувшегося трагическими последствиями для повседневной жизни всего населения бывшей Российской империи. Массовое сознание и популярная культура в условиях революции стали важным фактором преобразования общества, в то же время они подвергались существенным изменениям под влиянием политических целей в процессе трансформации культурного ландшафта страны. Это наглядно демонстрирует развитие плакатного жанра. Классовый разлом повлиял на плакатное искусство российских художников, вследствие чего вырабатывались и апробировались основные идейно-политические и подходы к борьбе за новые стандарты повседневности, что повлияло на творческие поиски создателей первых советских плакатов. Программа использования изобразительного и других видов искусств для формирования позитивного образа власти, утверждения новых идей и доминант социальной справедливости, в т.ч. предоставления народным массам всех преимуществ в управлении, материальном обеспечении, образовании и социальной защите, творческом развитии своих способностей, пропагандировалась широко и целеустремленно. Это влияло на настроения и социальные установки общества.

Наиболее важной приметой времени революции и гражданской войны было, как известно, глубочайшее противоречие между ведущими социальными силами общества – прежними собственниками и управителями и народом - рабочими и крестьянами, объявленными большевиками решающей силой истории, имеющей безусловное право на равный доступ к созданным их трудом социальным благам, богатствам экономики и культуры. Именно классовая борьба, охватившая все общество и определившая синдром жестокой бескомпромиссности в борьбе с разрушаемым старым миром, пронизывала и плакатное искусство 1917-1920 гг. В свою очередь, сам плакат, создававшийся в соответствии с основным политическим заказом, формировал в обществе настроения непримиримости, решительного отказа от всего, что связано с царским режимом и образом жизни, его символами и ценностями. В творчестве А. Апсита, В. Дени, Н. Кочергина, В. Лебедева, В. Маяковского, Д. Моора, В. Фидмана плакат гражданской войны отражал взаимодействие традиционного и нового языков, сохранение и использование глубинного влияния традиционных символов, атрибутов и стереотипов для целей пролетарской агитации. Повседневное сознание граждан постепенно наполнялось ценностно ориентированной стилистикой, подкреплявшейся зрительными образами, которые подспудно связывали новую страну с многовековыми приоритетами державности, жертвенности на благо отчизны, коллективизма. Привлеченные на сторону большевистской власти художники и литераторы вполне оперативно и успешно справились с поставленными перед ними задачами, нацеливая людей на бескомпромиссную борьбу за новый миропорядок. Закономерным было обращение плакатистов к

фундаментальным нравственным императивам, воплощенным в идейно и социально обозначенных в новых символах ценностях – Добра и Зла, Любви и Ненависти, Жизни и Смерти. Это ярко отражали выбор и трактовка идейно-политических слоганов, главных образов-символов, композиция, цветовое решение и т.д.

Революционные преобразования в социально-политической и духовной сфере распространялись и на мусульманские народы. В.О. Бобровников подробно исследует взаимоотношения Советской власти с мусульманами и говорит о том, что на первых порах власть заигрывала с исламом, делая упор на убеждение в том, что у мусульман и советского государства общие враги - царизм, буржуи, кулаки и наследники Антанты. Он обращает внимание на плакаты, как более доходчивое средство информации, посредством которых власть пыталась заставить мусульман вступать в ряды Красной армии для борьбы с белогвардейцами и западными интервентами³.

Учёный анализирует ряд плакатов, ориентированных на мусульман Крыма и Кавказа. Например, Д. Моор в 1919 году выпустил яркий агитационный плакат, призывающий мусульман записываться на кавалерийские курсы Всевобуча⁴. Эта организация готовила добровольцев к несению службы в рядах Красной армии. Надпись на плакате была выполнена на татарском и русском языках: «Товарищи мусульмане, под зеленым знаменем Пророка шли вы завоевывать ваши степи и аулы. Враги народа отняли у вас родные поля. Ныне под красным знаменем Рабоче-крестьянской революции, под звездой армии всех угнетенных и трудящихся собирайтесь с востока и запада, с севера и юга. В седла, товарищи! Все в полки Всевобуч». На плакате изображен лихой всадник, скачущий на белом коне, в синей папахе с символической красной звездой, кинжалом в одной руке и копьём провязанным красными, синими и белыми ленточкам, в другой руке.

В 1920 году Моор создал подобный плакат и для народов Кавказа. Подписи на нём были выполнены на четырёх языках – армянском, грузинском, азербайджанском и татарском (на двух последних в арабской графике). Надпись гласит: «Народы Кавказа! Царские генералы, помещики и капиталисты огнем и мечом душили нашу свободу и продавали вашу страну иноземным банкирам. Красная Армия Советской России победила ваших врагов; она принесла вам освобождение от кабалы и богачей. Да здравствует Советский Кавказ!». На плакате изображена группа кавказских всадников с красными флагами, протягивающих руки к красноармейцу на белом коне. В руке у него тоже красный флаг с изображением красной звезды. Красноармеец указывает горцам путь к высоким революционным целям. Всё это действие происходит на фоне заснеженных гор Эльбруса.

Плакат Николая Когоута времен борьбы с Врангелем 1920 года был выполнен в красно-чёрных тонах и подписан «арабицей» на крымском языке. Он призывает бить уже упомянутых врагов вместе с бойцами Красной армии. Плакат содержит главные символы новой власти – красное знамя с надписью РСФСР, пролетарский призыв и орудие борьбы – винтовка со штыком, который мусульманин, во исполнение призыва, вонзает во Врангеля.

Став важной частью массовой культуры, плакат утверждал светскую, классово ориентированную идеологию, которая должна была пронизать все пространство повседневной и праздничной жизни рядового человека, ранее

³ Бобровников В.О. Безбожники рисуют ислам // Полит.Ру/Публичные Лекции. /<http://www.polit.ru/lectures/2009/05/07/bobrovnikov.html> (дата обращения: 28.06.2010).

⁴ Там же.

подчинявшееся обрядовой культуре традиционных для России конфессий. Плакатный жанр был также средством просвещения и образования масс, защиты детства и материнства, вовлечения женщин в общественно-политическую деятельность и организацию досуга, прежде всего революционных праздников. В целом уже на первом этапе становления советской государственности и культурной системы проявились взаимодополняющие и взаимно обусловленные тенденции, сопровождавшие развитие плакатного жанра в течение всей советской истории. Во-первых, власть решительно и целенаправленно поставила на службу своим интересам художественный талант и мастерство признавшей победу большевиков интеллигенции. Во-вторых, объективно советский плакат не мог не унаследовать художественные приемы, символы и образы недавнего прошлого, довольно быстро переосмысливая их в системе революционных координат. В-третьих, стремительно набиравшее популярность и масштабы плакатное творчество объективно отражало самые чувствительные проблемы расколотого общества, доминирующие настроения и ожидания главных социальных сил России, находившихся в острейшем противоборстве. В-четвертых, плакат, получивший широкое распространение вследствие названных объективных причин и сознательной политики власти, сам служил активным и действенным средством преобразования массового сознания и повседневности для всех слоев поликультурного социума.

Тамара КРАСОВИЦКАЯ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук:

В феврале 1917 г. в России «национальный вопрос» возник с одной стороны, как реакция вертикальных и горизонтальных механизмов традиционных этнокультурных социумов на культурную гомогенизацию индустриального общества, проводимую новой властью, основным его агентом. С другой стороны, как стратегия различных этнокультурных социальных групп, направленная на создание собственного национального государства с целью повышения статусных позиций. В первую очередь интеллектуалов из традиционных социальных страт, и из страт новых, возникших в результате становления индустриального общества.

Февральский нарратив выписал новое пространство, сформировал новую драматургию и новую сценографию. Если понимать идеологию как стратегию их поведения, общероссийские партии оказались не готовы к управлению страной в принципиально новых условиях. Национальные партии требовали буквальной реализации идеала. Всего исторически итогового в реальной и причудливой мультиэтнической композиции с большой долей в ней иудаизма, мусульманства, буддизма, христианства, Ф. Ницше и К. Маркса. Все это надлежало стать отправной точкой зарождающегося кипучего эксперимента развития, в центре которого – «демократические стандарты», но с принципиально разным представлением об этих стандартах, отграничивающих не только территории, а универсальные и не слишком универсальные ценности. Политическая обстановка настоятельно требовала в первую очередь становления национальных институтов государства. Они развивались параллельно и даже обгоняли в своем развитии процесс адаптации к новым постимперским условиям политических партий. Предлагаемые общероссийскими партиями политические демократические средства не могли подверстать под себя тип национального развития. Оно вращалось вокруг двух полюсов – вполне еще вероятных этатистских триумфов, и не менее вероятных

и прогнозируемых этатистских поражений – конечной обреченности (пусть не сейчас, а в будущем) непричастных к демократии партий, движений и лиц.

Временное правительство нацеливалось на системное решение проблем России, в расчете на долговременную перспективу. Считалось, что обострение межнациональных противоречий не причина, а следствие других, более существенных внешне – и внутривнутриполитических проблем.

Глобальные доктрины и проекты спасения общества обесценивались. Выяснялось, что они неприложимы к действительной жизни, не содержали конкретных ответов на важные для них проблемы.

Идеологии подвергались разрушению на улицах, размывали партийные установки. Активисты разных идеологий активно перемещались из периферии в центр общества. Национальные съезды ставили перед партийными идеологами задачу корректирования своих концепций. Они начинали всерьез затрагивать проблему власти. Профессионально “компетентные” претенденты на власть неожиданно убеждались в том, что они не могут противопоставить митинговым лозунгам некомпетентных участников съездов конструктивной программы. Активность этнических элит на съездах делала очевидным тот факт, что профессиональная компетентность еще вовсе не означает способности к административному лидерству, к тому же требует глубокого понимания специфики этнических регионов, умения объединять их вокруг новых идеалов. Прежде представлявшееся «неважным» внезапно оказалось реальнейшим. То, что было «реальной жизнью», расплзлось, обнажая свою иллюзорность.

Это отразили и результаты состоявшихся, наконец, выборов в Учредительное собрание. Этнополитические движения стали важнейшей частью дизайна 1917 г. На протяжении лета и осени постепенно вырисовывалось представление о федеративном принципе государственного устройства как наиболее приемлемом и даже единственно возможном в сложившихся условиях. Расширялось общественное признание принципа культурно-национальной автономии. Отмечается огромное количество разнообразных попыток совместить универсализм с партикуляризмом - автономизмом: разные культурные традиции и территории с разным уровнем развития – в едином политическом образовании. Трудность задачи заключалась в том, что она не имела единого средства разрешения и могла решаться только опытным путем, методом проб и ошибок, накопления удач и заблуждений. Искусство поддержания баланса между партикуляризмом - автономизмом и универсализмом в государственном сообществе, по сути, оставалось имперским вариантом национальной политики.

Весной-летом 1917 г. заложены основания к переходу понятия «нация» и «национализм» в руки левых радикалов. Наряду с этим открывалась весьма интересная лаборатория слияния интеллектуальной истории и политической практики, широких возможностей осмысления самых неожиданных хитросплетений национальных и имперских идентичностей. Конечно, меньше обращалось внимание на многомерность исторического пространства, на единство позитивных и негативных его сторон; на кооперационный эффект человеческой деятельности и роль исторических личностей, на неразрывность судеб различных государств и возглавляющих их политиков. Больше внимание отводилось идеологическим и партийно-клановым установкам в трактовке исторических событий, несмотря на их ограниченность и субъективизм. Механизмы реализации этнически окрашенных требований представлялись довольно смутно.

Историческая наука становилась ядром национальных культур, интегратором национальной идентификации. Вопросы этнической истории оказались полезными для сбрасывания с себя комплексов национально-исторической неполноценности, для обоснования перспективы собственного будущего в новом государстве. Репрезентирующая функция национальной истории, представляющая свой народ внешнему наблюдателю, превращалась в важный фактор, влияющий на планы государственного переустройства.

Главный просчет Временного правительства состоял в том, что оно не воспринимало национальные комитеты в качестве местных субъектов управления. Политическая ситуация с ее нестабильностью власти позволяла этническим элитам постоянно корректировать дискурс национально-культурного возрождения, в котором парадигма этничности стала наделяться наивысшей ценностью. Наряду с этнокультурными проблемами на повестку дня национальных комитетов встал вопрос, в котором не усматривалось сепаратистских от общего государственного тела устремлений. Вслед проблемам «вертикальных» связей со структурами центра обозначились проблемы «горизонтальных» связей с соседями. Требовалась ясность в том, на какой территории будут они действовать, если разрушены старые системы управления и их границы и компетенции? Одновременно российская идентичность не только уходила на задний план, но и приобретала негативную валентность, приобретая статус чужого. После октября 1917 г. большевики не без труда, но «подберут» ключи и к этим понятиям, и к этническим элитам, сформируют и автономные структуры (которых остерегались либералы Временного правительства), найдут элитам место в центральных структурах власти. Хуже будет обстоять дело с восприятием элитой большевистской трактовки национализма. Произойдет размен, до поры до времени устраивающий обе стороны. Но Временное правительство не отринув свои «каноны», позволило все же нерусским элитам свободно обсуждать свои актуальные проблемы.

Дальнейшая разработка проблем централизма и децентрализма, автономии и федерализма, самоуправления народов и их порыва к культурному творчеству, выпала на долю большевиков.

Геннадий ЛОБАСТОВ, Президент Философского общества «Диалектика и культура», доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории психологии Института психологии им. Л.С.Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва:

Человек – это не единичное обособленное существо, а субъект общественно-коллективный. Однако в своем самосознании каждый мыслит себя способным к суждению именно в обособленной форме и через эту форму определяет, что делать и кто виноват в содеянном (то есть дает ответы на вопросы, составляющие основное содержание своего и общественного сознания – Г.Л.). Исторически расчлененный общественный субъект легко дает основание усматривать различную меру участия в общественном процессе различных его частей. Взаимосвязь последних в целостность и внутреннее единство обнаруживается гораздо сложнее. В общественной системе внутреннее отношение целого, однако, таково, что любая часть в потенции представляет собой это целое. Историческое развитие и заключается в том, чтобы каждый имел возможность и условия представлять и выражать своим действием это общественно-историческое целостное содержание. Различие потенциального и актуального, возможного и действительного есть внутренний

импульс общественного развития. Из этого противоречия как из своей действительной основы вычитываются общественные идеалы, а потому и представления о том, что делать. Потому и добро как мера положительного участия в осуществлении этих идеалов измеряется отношением действительности к идеалу. И тем же самым – зло, побуждающее ставить вопрос, кто виноват.

Все взаимозависимости индивидов внутри общественного целого, результирующей действий которых и выступает их коллективная субъектность, и подлежат теоретическому анализу, – чтобы и в самом деле выявить действующие причины поведения людей, их свободы.....

Бытие людей должно быть понято как естественно-исторический процесс, то бишь как процесс объективный. В его объективной форме, объективных противоречиях, способах их разрешения и т.д. ... Проблема исторического субъекта, иначе, проблема человека: сложнейшая диалектика самоопределения, исторического «выворачивания» (становления) свободы, деятельных сил истории, развития личностной формы как самоцели исторического процесса.

... В этом же понимании открывается «умный» способ бытия и действия каждого человека – даже если это касается разрешения фундаментальных противоречий внутри общества как единого субъекта истории. Мелкобуржуазное сознание мерой бытия делает частичного человека. Это разграниченное внутри себя сознание ищет взаимопримирения то в боге, то в государстве, уповая на небесную благодать или умных и добрых правителей. Формирует всеобщую позицию: у каждого свое мнение, взаимотерпимость, толерантность, относительность всего и вся, истины достичь нельзя, она открывается только в вере в сверхестественное существо, выведенное сознанием за рамки естественного бытия. И т.д.

Но закончу словами Спинозы, которыми он заканчивает свою «Этику».

«...Мудрый как таковой едва ли подвергается какому-либо душевному волнению; познавая с некоторой вечной необходимостью себя самого, Бога и вещи, он никогда не прекращает своего существования, но всегда обладает истинным душевным удовлетворением. Если же путь, который, как я показал, ведет к этому, и кажется весьма трудным, однако все же его можно найти. Да он и должен быть трудным, ибо его так редко находят. В самом деле, если бы спасение было у всех под руками и могло бы быть найдено без особенного труда, то как же могли бы почти все пренебрегать им? Но все прекрасное так же трудно, как и редко»⁵.

Елена МАРЕЕВА, заведующая кафедрой *общеобразовательных дисциплин Московской международной высшей школы бизнеса «МИРБИС» (Институт)*, доктор философских наук:

Понятно, что популизм неотделим от демократии, и наоборот. Его, как и саму демократию, изобрели древние греки, где демагоги вначале представляли и отстаивали интересы разных «частей» народа, а затем стали маскировать той же риторикой об общем благе свой сугубо личный интерес.

Даже в условиях прямой демократии, как это было у греков, можно обмануть народ, извлекая выгоду из народного недовольства. Что, конечно, не означает дискредитацию любых революционных действий. Народ доверяет тем, кто предлагает не только свергать, но и строить новую жизнь. Насколько честными и реалистическими были обещания, определяет последующее

⁵ Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные произведения в 2 т. – Т.1. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 618.

развитие событий. Только ход истории – критерий различения дешевого популизма и вовлечения в политику широких масс.

Дешевым популистом может быть фантазер и болтун, который выдает мечты за реальные планы. Но чаще за политической демагогией стоят вполне конкретные интересы правящих групп. Тем более, в условиях современной «управляемой демократии». Линкольну принадлежат слова о том, что демократия – это правительство народа, избранное народом и для народа. Но у Ленина мы читаем, что в условиях буржуазной демократии у народа есть лишь право выбирать, кто из представителей буржуазии будет управлять им в этот раз.

Современное явление под названием «цветные революции» демонстрирует, как можно канализировать революционный протест в нужное олигархическим группам русло. Результат – не только «управляемый» хаос и «выгодная» кому-то гражданская война, но и деморализация разуверившегося в своих силах народа. Именно это произошло на постсоветском пространстве в 1990-е гг. В последнее время маятник качнулся в противоположную сторону, но, как мы видим, революционная энергия масс на Украине и в иных регионах успешно осваивается лишь другими олигархическими группами.

В странах Старого и Нового Света, где давно отработаны принципы демократической игры, народ лучше ориентируется в популистской риторике, извлекая из нее не только уроки, но и пользу. В конце концов, в обществе всеобщего потребления все – товар и ориентировано на массового потребителя. Популистская риторика сегодня сродни рекламе, где скорое процветание народа есть товар, который вполне может быть подделкой. Но в странах «догоняющей» политической модернизации подделок под революцию и демократию значительно больше.